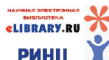

Информация для цитирования:

Бауэр Т. В. Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков) / Т. В. Бауэр // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189.

Bauer, T. V. (2024). Oath in Legal Tradition as a Reflection of Value System of Russian Peasantry (Mid-19th to Early 20th Century). *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 170-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков)

Бауэр Татьяна Владимировна
orcid.org/0000-0001-6572-2758
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
сектора этнологии
taty-lis@yandex.ru

Институт языка, литературы и истории —
обособленное подразделение
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:

Финансовое обеспечение исследований
осуществлялось из средств
федерального бюджета на выполнение
государственного задания
Карельского научного центра РАН

Oath in Legal Tradition as a Reflection of Value System of Russian Peasantry (Mid-19th to Early 20th Century)

Tatiana V. Bauer
orcid.org/0000-0001-6572-2758
PhD of History, Senior Researcher,
Ethnology Sector
taty-lis@yandex.ru

Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:

Financial support for the research
was provided from the funds
of the federal budget for the implementation
of the state task of the Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются клятвы, функционирующие в рамках обычного права пореформенного периода и отражающие систему базовых ценностей крестьянского социума. Актуальность исследования обусловлена насущной задачей сохранения этнокультурной идентичности, а также практическими потребностями современной правовой системы, демонстрирующей разрыв с ценностными ориентирами традиционной культуры. Выявлены сфера и особенности применения клятв в обычно-правовой традиции, описаны основные элементы ритуала. Выявлена и охарактеризована вербальная составляющая клятв. Рассматривается отношение крестьян к клятве, анализируются представления о последствиях ложной клятвы. Реконструируется система ценностей, актуальных для крестьянского социума. Выявлено, что важнейшими ценностями считались справедливость, жизнь (в том числе и «правильная» жизнь после смерти), здоровье, репутация, честь, благосостояние, разнообразные социальные связи, как родственные, объединяющие в том числе предков и потомков, так и внутриобщинные, а также духовные ценности, в частности связь с Богом, разрыв которой воспринимался как духовная смерть. Делается вывод о том, что, несмотря на снижение популярности неформальных клятв, они сохраняют актуальность в пореформенный период как способ нейтрализации конфликта и эффективный механизм, содействующий выяснению истины, именно в силу того, что апеллируют к значимым для этнокультурного сознания категориям и ценностям.

Ключевые слова:

клятва; божба; рота; Божий суд; крестьянская юстиция; обычное право; система ценностей.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines oaths functioning within customary law during the post-reform period, reflecting the system of basic values of the peasant society. The relevance of the study is justified by the urgent task of preserving ethnocultural identity, as well as the practical needs of the modern legal system, demonstrating a disconnect from the value orientations of traditional culture. The sphere and peculiarities of oath application in customary legal tradition are identified, and the main elements of the ritual are described. The verbal component of oaths is identified and characterized. The attitudes of peasants towards oaths are explored, and beliefs about the consequences of false oaths are analyzed. The system of values relevant to peasant society is reconstructed, highlighting justice, life (including a "righteous" life after death), health, reputation, honor, prosperity, various social ties including familial connections uniting ancestors and descendants as well as intra-community bonds, and spiritual values such as the connection with God, the rupture of which was perceived as spiritual death. It is concluded that despite the declining popularity of informal oaths, they remain relevant in the post-reform period as a means of conflict neutralization and an effective mechanism for uncovering truth, precisely because they appeal to significant categories and values for ethnocultural consciousness.

Key words:

oath; adjuration; rota; Divine judgment; peasant justice; customary law; system of values.

УДК 94:39:316.343.37(47+73)“185/191”+179.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.9.4. Фольклористика

Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков)

© Бауэр Т. В., 2024

1. Введение = Introduction

Изучение феномена клятвы актуально не только в плане исследования обычно-правовых отношений, регулировавших крестьянскую повседневность, но и с точки зрения возможности реконструировать некоторые фрагменты картины мира русского крестьянства, его систему ценностей, религиозно-мифологических представлений, то есть всего того, что лежит в основе этнокультурной идентичности, сохранение которой является насущной задачей для современного общества.

Действенность клятвы подтверждается долговечностью существования этого института, апеллирующего к таким значимым для этнокультурного сознания категориям, как грех, правда, справедливость, а современное правовое пространство нуждается в подобном механизме [Семеновский, 2022, с. 68]. При этом необязательной является экстраполяция зарубежного опыта, поскольку данный правовой инструмент укоренен в традиции. В российском праве сфера применения присяги расширяется, и, возможно, ее внедрение в судебный процесс позволит снизить остроту проблемы правового нигилизма, связанную с копированием западных моделей без учета сложившейся в России системы ценностей и представлений о справедливости [Бочаров, 2010, с. 364; Мирошниченко, 2013, с. 40].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является рассмотрение клятвы как ритуально-магической практики, отражающей систему ценностей русского крестьянства. Основное внимание сосредоточено на сфере применения клятв в обычном праве, на характеристике вербального и предметно-акционального уровней обряда и представлениях о последствиях ложной клятвы. Фокусировка на клятвах, функционирующих в рамках правового поля, не случайна, поскольку обычное право расценивается как «неотъемлемый компонент кре-

стьянской системы ценностей» [Шатковская, 2009, 33], в котором в концентрированном виде отражаются ценностные ориентиры социума.

Разнообразие подходов к феномену клятвы, аспектов ее изучения, а также междисциплинарный характер многих работ в определенной степени обусловлены тем, что «клятва зафиксирована в мифологии, в религиозном дискурсе христианства, в фольклоре, в эпистолярном наследии, в поэтике, в художественном, политическом и бытовом дискурсах» [Малинович и др., 2011, с. 222].

Первым отечественным этнографом, попытавшимся систематизировать и описать материалы, связанные с данным ритуалом, был М. Макаров. В дальнейшем исследователи уделяли внимание причинам лжесвидетельства, отношению крестьян к принудительной присяге и клятвопреступлению, описанию некоторых элементов обряда, выделяли виды клятв по силе воздействия на клятвопреступника, а также по критерию упоминания о залоге либо свидетеле и гаранте клятвы [Макаров, 1828; Муллов, 1867, с. 622—630; Левенстим, 1901; Тенишев, 1907, с. 116, 139—152].

Из современных исследований стоит отметить статью О. В. Беловой, целями которой являлись классификация клятв в зависимости от центрального смыслового компонента и их краткая характеристика [СД, т. 2, с. 512—514], работу А. Л. Рогачевского, опубликовавшего материалы по клятвам из архива Русского Географического общества [Рогачевский, 2001], а также наши наблюдения, касающиеся специфики клятв в делах о воровстве [Бауэр, 2019, с. 63—70]. Клятву рассматривали как часть обычно-правовой системы различных народов Российской империи [Нанзатов, 2017; Турсунбаев, 2015]. Англоязычные авторы обращались к клятве как актуальному, однако находящемуся в зоне риска феномену обычного права африканских народов [Oba, 2008; Kelley, 2022]. В лингвистических работах клятва обычно рассматривается как речевой жанр либо концепт [Чесноков и др., 2017; Митронов, 2020 и др.]. Применительно к детским клятвам советского периода поставлен вопрос об отношении данного жанра к фольклору [Сидоренко, 2016, с. 76]. В исследованиях, посвященных традиционному фольклору, такой вопрос пока не поднимался, однако еще К. В. Чистов писал о так называемой «полосе перехода» между собственными фольклорными и речевыми явлениями [Чистов, 2005, 60—61], в рамках которой, как представляется, функционирует и клятва.

В работе применяется дескриптивный метод, метод исторической реконструкции и элементы этнолингвистического подхода. Кроме того, поскольку согласно методологической установке юридической антропологии обычное право является интегральной частью социума [Donovan, 2008, pp. 3—5], это требует изучения феномена клятвы в контексте куль-

туры [Kelley, 2022, pp. 6—7]. Основными источниками являются опубликованные документы архивного фонда «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, материалы по клятве из коллекции С. М. Пономарева, хранящиеся в архиве Русского географического общества, и тексты, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках и словарях.

При классификации клятв мы придерживаемся подхода И. А. Митронова, который отмечает, что «в русском этноязыковом сознании клятвенно-присяга <...> дифференцировалась на *божбу* <...>, *божбу-роту* <...> и *роту*». Он же рассматривает *клятву* и *присягу* как синонимы-дубликаты [Митронов 2020, с. 81], однако в крестьянском понимании присяга отличалась от неформальных видов обряда тем, что являлась торжественной ритуальной процедурой, совершаемой по установленным церковью правилам в присутствии священника и сопровождаемой целованием креста и Евангелия [Даль, т. 3, с. 466]. Подобная присяга, как правило, практиковалась за рамками крестьянской юстиции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сфера и особенности применения клятв в обычном праве

Е. И. Якушкин выделяет 8 форм крестьянского суда: самосуд, семейный и третейский суды, суды соседей, сельских судей (стариков), сельского и волостного сходов и волостной суд [Якушкин, 1875, с. XXIV], и все они, по-видимому, практиковали различные виды клятв.

Нас интересует подтверждательная клятва, которая подкрепляла истинность показаний. Она могла быть добровольной либо даваемой по принуждению суда, а также дополнительной, практикуемой в случае недостаточности доказательств, и очистительной, призванной снять подозрения с ответчика [Пахман, 1851, с. 84—86].

В ходе судебного процесса к клятвам прибегали истцы, ответчики и свидетели. Применение клятв в волостных судах не носило принудительного характера, однако судьи либо тяжущиеся могли предложить принести клятву, и совершение обряда могло служить доказательством в пользу того, кто к нему прибегал [Тенишев, 1907, с. 116, 139—140; Шраг, 1877, с. 60; РК, т. 5, ч. 2, с. 509]. Если клятва относилась к категории «страшных», как, например, клятва детьми, ответчик мог потребовать произнесения подобной клятвы истцом [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23].

Стоит отметить, что клятва в волостном суде редко являлась самостоятельным доказательством и либо была запрещена, либо применялась с согласия сторон (в случае готовности к примирению), однако в некоторых локальных традициях для этого требовалось отсутствие других доказательств или разногласие свидетельских показаний. В таких сомнительных

делах действовал принцип «кто побожится, тот и прав». Однако ситуацию осложняло то, что в ходе судебного процесса обе стороны использовали клятвы. К клятве могли прибегать, руководствуясь принципом «глядя по человеку», то есть принимая во внимание репутацию клянущегося [Паппе, 1889, с. 59—61; Скоробогатый, 1885, с. 136—138]. Основанием для мировой сделки клятва служила и в неофициальных крестьянских судах [Тенишев, 1907, с. 146].

Согласно данным, приводимым исследователями, божбу практиковали более 30 % волостных судов [Безгин, 2004, с. 154], а из 56 волостей Московской и Владимирской губерний божба одного из тяжущихся допускалась лишь в 16 [Скоробогатый, 1884, с. 136]. Зато она была популярна на неофициальных уровнях крестьянской юстиции. Клятву практиковал суд стариков и суд сельского схода [Матвеев, 1877, с. 36], ее использование в ходе семейных и соседских тяжб способствовало пресечению конфликта [Астров, 1889, с. 133; Муллов, 1867, с. 628]. Встречаются упоминания о применении примирительной клятвы третейским судом по взаимному согласию сторон [Тенишев, 1907, с. 146]. Принудительная клятва практиковалась преступниками в отношении свидетелей совершенного преступления [Левенстим, 1901, с. 22; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 37].

Клятвы чаще применялись женщинами [Скоробогатый, 1884, с. 135] и в селах бывших государственных крестьян, где народные суды были более развиты [Астров, 1889, с. 137]. Некоторые клятвы имели гендерную и возрастную привязку: клятва «чтобы мне не разродиться» [Тенишев, 1907, с. 140] являлась женской, в то время как старики были склонны клясться «своей седой бородой» [РК, т. 7, ч. 2, с. 172, 205], являющейся в данном тексте символом чести.

3.2. Клятва как ритуально-магический акт

Клятва — ритуал, обладающий высоким магическим потенциалом, что подтверждается лексикографическими и этимологическими данными. Результаты дефиниционного анализа концепта КЛЯТВА свидетельствуют о том, что в XIX веке она понималась как «магическ[ое] знаков[ое] действи[е]» [Митронов, 2020, с. 81—82]. Это понимание клятвы соотносимо с альтернативной этимологией лексемы, согласно которой глаголы **kļeti* и **kliniti* в значении ‘забивать клин, не удаваться, стопорить’ связаны; **kliniti* происходит от слова **klinь* ‘клин, гвоздь’, восходящего к **kōlti* ‘колоть, резать’. Таким образом, *клясться* означало ‘прокалывать себя’, а невозвратный глагол *клясть* изначально включал «синкретически-нерасчленимое семантическое ядро — “насылать порчу, колдовать, проклинать”» [Штейнгольц, 2006, с. 43, 53] (см. *клятбовать* — ‘напускать порчу’ [Даль, т. 2, с. 125]). Клятва могла представлять собой как развернутый

обряд, так и лаконичную словесную формулу иногда с минимальным предметно-акциональным сопровождением.

Клятву приносили в помещении волостного суда, в ближайшей сельской церкви, в церквях и монастырях, особо почитаемых в народе, рядом со святым источником, в красном углу как сакральном центре дома [Левенстим, 1901, с. 21; Скоробогатый, 1884, с. 138; Макаров, 1828, с. 192, 200—201, 214].

Место принесения клятвы, состав и количество присутствующих могли зависеть от тяжести и специфики совершенного преступления. При краже сена с сенокоса в разбирательстве участвовали староста и не менее шести человек соседей. Полный сельский сход собирали при краже домашних вещей и конокрадстве; в первом случае — на общественной квартире, во втором — на улице [Тенишев, 1907, с. 141, 143], при нарушении межи собирали либо всех жителей деревни за селом, либо жителей трех деревень на спорном участке [Левенстим, 1901, с. 22—23; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 34]. Иногда подозреваемого проводили по трем хатам, где последовательно совершался ритуал [Тенишев, 1907, с. 144—145]. Кроме судей, в качестве распорядителя ритуала мог выступать священник либо староста [РК, т. 1, с. 78; Тенишев, 1907, с. 130, 141—142].

Неизвестно, требовалось ли перед принесением клятвы, как перед официальной присягой в случае, если крестьянин делил накануне брачное ложе с женой, совершить очистительные процедуры, например посетить баню [Ефименко, 1869, с. 238], однако паремии зафиксировали совершение божбы натошак: «Сегодня ни пито, ни едено» [Даль, 1879, с. 181]. После совершения ритуала поклявшийся угощал судей и своих свидетелей, что отразилось в следующем выражении: «Хоть дорога присяга и для души и для кармана, да крепка!» [Макаров, 1828, с. 206]. В данном случае речь идет о так называемом «магарыче» [Даль, т. 2, с. 293], фиксировавшем удачный исход дела. В некоторых локальных традициях наблюдались различия в обряде в зависимости от совершенного преступления, в других ритуал был унифицирован [Тенишев, 1907, с. 141, 144].

На вербальном уровне божба представляла собой текст, содержащий апелляцию к Богу и другим сакральным персонажам как к свидетелям, гарантирующим правдивость показаний: «Вот-те Никола», «видит Бог» [РК, т. 7, ч. 2, с. 205; Борисовский, 1870, с. 218]. К этому типу можно отнести клятвы иконой, отождествляемой с изображенным персонажем, и крестом, отождествляемым с образом Христа: «вот-те крест», «вот-те образ» [Бондаренко, 1890, с. 86]. Наиболее крепкой считалась клятва именем либо образом местночтимого святого [Левенстим, 1901, с. 21].

Условно к этому типу можно отнести клятвы небом, отождествляемым с Богом (выражения *ходить под Богом* и *ходить под небом* расценивались

как синонимичные) [СД, т. 3, с. 380), и земель, отождествляемой с Богородицей, как элементами мироздания, обладавшими в глазах народа высшим нравственным авторитетом: «Небом и землей божусь!» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 20]. Апелляция к элементам мироздания, приравниваемым к персонажам православного пантеона и церковным атрибутам, свидетельствует о синкретизме христианских и языческих представлений в крестьянском правосознании.

В клятвах по типу божбы-роты и роты (божбы с заклятием) важнейшим вербальным компонентом были лексемы, «ответственные» за вредоносное воздействие. К самым распространенным моделям, реализующим семантику причинения вреда, относились непосредственное насыщение смерти: «пусть жена и дети помрут», «Убей мяне соунца провидныя!» [РК, т. 1, с. 125; СД, т. 2, с. 513], болезни и удушья: «чтобы подавиться <хлебом с солью>», «включись в меня антонов огонь», «подавись я этим куском» (при краже съестного), «чтобы я захлебнулся <святой> водой» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 10; Тенишев, 1907, с. 143, 144, 145], инициирование физических повреждений, аномальных телесных трансформаций: «Почерней я, как земля», «Лопни мои глаза», «Отсохни язык», «Сожги мою головушку адский огонь», «чтобы <...> я бы объубожил» [Тенишев, 1907, с. 140, 144, 145] (см. «убогий» в значении «калека» [Даль, т. 4, с. 470]), «Разрази меня гром», «Дай, Господи, <...> чтобы из брюха кишки выползли» [СД, т. 2, с. 513; РК, т. 7, ч. 2, с. 205], лишение сил, соков, зрения, разума, способности двигаться: «Доведи Бог не поднять этой соломинки», «Изсохни моя душенька!» [РК, т. 7, ч. 2, с. 205] (в данном случае душа выступает как телесный орган [СД, т. 5, с. 249]), «Чтоб мне ослепнуть!», «обезумей я», «пусть святой крест не позволит мне встать» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23; Тенишев, 1907, с. 140, 145; Левенстим, 1901, с. 23], пожелание изменить положение объекта в пространстве на отклоняющееся от нормы: «чтобы <...> меня <...> перевернуло», «Пускай мои дети провалятся в тартарары» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 9, 22] (сюда можно отнести и укрывание земель: «пусть эта земля покроет меня» [Паппе, 1889, с. 61]), лишение возможности совершать действия, связанные с православным обиходом: «Не дай, Бог мне разговеться!», «Не возложи я на себя креста!» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 27, 28], лишение возможности видеть: «Не увидь я света белого, солнышка ясного, родимых детушек <...> родного отца с матерью», «моему первенцу не видать света!», «дай Господи не видать мне своих лошадей на дворе (<...> значит, оне у него будут околевать)», «на себе креста не видать», «Не дай моим усопшим родственникам царствия Божия увидеть» [РК, т. 7, ч. 2, с. 172; Тенишев, 1907, с. 142—143; Паппе, 1889, с. 61; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 27].

Многие из этих формул иносказательно выражают пожелание смерти. Так, клятвы, связанные с изменением положения объекта в пространстве моделируют ситуацию, служащую отсылкой в иной мир, поскольку движение направлено вниз (см. эвфемистическое обозначение смерти в русских диалектах как движения вниз, под землю [СД, т. 5, с. 59], а также значение лексемы *тартар* — ‘ад, преисподняя’ [Даль, т. 4, с. 402]). Лишение возможности совершать действия, связанные с православным обиходом символизировало исключение из крестьянского сообщества, категории «своих», православных (см. слово *крестьянин* как синоним *крещеного человека* [Даль, т. 2, с. 195]), а также лишение возможности общаться с Богом, что можно интерпретировать как духовную смерть. Что касается текстов, связанных с лишением возможности видеть, то, судя по анализу близких клятвам по семантике и структуре текстов проклятий, содержащих данную формулу, они в иносказательной форме зачастую содержали пожелание злой смерти [Ясинская, 2013, с. 79].

В клятвах по типу божбы-роты и роты исполнителями или орудиями наказания выступали сакральные персонажи, крест, земля, солнце как объект мироздания, наделяемый святостью, гром, считавшийся в язычестве и христианстве орудием Бога, огонь, болезнь, предметы православного обихода, хлеб с солью, предмет спора. Вредоносное воздействие чаще было направлено на клянущегося и различные части его тела, редко — на внутренние органы и душу. Объектами вредоносного воздействия могли стать родственники приносившего клятву (в том числе умершие и нерожденные) и имущество.

Стоит обратиться к предметно-акциональному уровню обряда. Часто встречаются упоминания о манипуляциях с иконой, причем тактильный контакт был необязательным. Можно было перекреститься перед образом, сесть под образа / посадить детей, совершить перед иконой вредоносные магические действия [Паппе, 1889, с. 62; Муллов, 1867, с. 628; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23; Тенишев, 1907, с. 140]. Когда икону снимали (см. *потянуть руки на Бога* в значении «снять икону для клятвы») [СД, т. 2, с. 513]), через нее совершали рукопожатие при взаимной клятве, ее клали на стол, и клянущийся трижды обходил его и совершал три земных поклона перед образом, ее могли целовать, держать перед собой во время принесения клятвы, класть на голову и переворачивать [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 9, 23; Тенишев, 1907, с. 139; Муллов, 1867, с. 626, 628]. Последние два действия были направлены на причинение вреда за счет моделирования неправильной ситуации. Кроме того, во вредоносной магии переворачивание — способ наведения порчи, инициирующий болезнь и смерть (см.

перевертыши в значении ‘резкое болезненное изменение внешнего вида кого-либо’, *перевертываться* — ‘умереть’ [СРНГ, вып. 26, с. 46, 47].

В подтверждение своих слов могли целовать крест, в том числе и нательный, а также сложенные крест-накрест пальцы [Тенишев, 1907, с. 141; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23—24]. Стоит отметить, что употребление святой воды, земли, хлеба с солью с пожеланием захлебнуться либо подавиться напоминает применявшийся в русской средневековой церковной практике вид суда Божия — испытание освященным хлебом, направленный на обличение воров [Алмазов, 1904, с. 2—3], в рамках которого хлеб отождествлялся с телом Христовым. Считалось, что когда клятвопреступник будет целовать икону и крест, у него перекосятся лицо, когда будет пить святую воду — отнимется язык. Из церковных атрибутов использовали свечу, которую подозреваемый тушил со словами: «Как потухла эта свечка, так потухни и моя жизнь»; либо он водил зажженной свечой по тем частям тела, которые должны пострадать в случае лжеприсяги [Тенишев, 1907, с. 141, 143, 145], подключая к вербальным пожеланиям акциональный код с апелляцией к перцептивному опыту — вредоносное воздействие огня / жара.

Разнообразными были манипуляции с землей: ее брали в руки, в рот, ели, клали комок земли / дерн на голову / за пазуху, чаще при межевых спорах, когда дерн нужно было нести на голове человеку, хотевшему доказать, что земля его; знаковым являлось падение дерна: граница проводилась до этого места, и участок считался принадлежащим покаявшемуся [Тенишев, 1907, с. 142, 144; Левенстим, 1901, с. 22, 23; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 17, 23—24, 34]. В последнем случае моделировалась неправильная пространственная ситуация, так как подобное отношение тела к земле, как и ее помещение на теле, характеризует покойника, которому уподоблялся кланущийся.

Используя симпатическую магию, воздействию огня подвергали ошепок лучины, который на сутки ставили перед иконой со словами: «Как этот ошепок изжарило и изсушило, жаром, так чтобы и меня свернуло и скорчило»; кланущегося заставляли три раза закусить осиную ветку (осина считалась проклятым деревом, на котором повесился Иуда), переводили через сухую палку со словами: «Высуши меня, Господь, как эта палочка сухая» [Тенишев, 1907, с. 140; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 10—11, 13], покрывали ему голову полотенцем / скатертью, уподобляя покойнику, покрытому саваном. Данное действие было связано также с категорией позора (ср. «Пал позор и на мою голову» [Даль, т. 3, с. 238]), поскольку подозрение в совершении проступка наносило ущерб репутации. После совершения ритуала покаявшийся обращался к присутствовавшим со словами: «Снимите с меня позор» [Тенишев, 1907, с. 142, 145]. Некоторые клятвы напоминали

ордалии. Так, необходимо было поцеловать заряженное ружье, лежавшее на столе перед иконой, что грозило клятвопреступнику смертью [Левенстим, 1901, с. 23—24].

Усилению эффекта ритуала способствовала имитация похоронного обряда: на клянувшихся надевали саваны, давали в руки зажженные свечи и тихим шагом вели по деревне; идущие сзади женщины причитали по ним, как по покойникам [Тенишев, 1907, с. 148]. Старообрядцы помещали клянувшихся в углубление в виде восьмиконечного креста, символизовавшего могилу [Левенстим, 1901, с. 22—23].

Важна и акустическая сторона обряда. Требовалось, чтобы присутствовавшие хранили молчание [Тенишев, 1907, с. 142], являвшееся формой ритуального поведения, соотносимого со смертью. Иногда ритуал сопровождали колокольным звоном, что, судя по реакции («Как пойдет к присяге, так и затрясется») [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2. л. 11, 14]), считалось формой насылания смерти (см. *позвонное* — ‘плата звонарю за колокольный звон по умершему’ [СРНГ, вып. 28, с. 324]).

3.3. Отношение крестьян к клятве и представления о последствиях клятвопреступления

Присягу, использовавшуюся в средневековой юридической практике, исследователи причисляли к ордалиям или Божьим судам [Пахман, 1851, с. 68]. Она сохраняла свою актуальность и в XIX веке, в том числе в виде неформальных клятв, связанных с представлениями о Божьем суде.

К официальной присяге крестьяне относились достаточно серьезно, а клятвопреступление считалось тяжким грехом [Тенишев, 1907, с. 17, 147], и хотя факты лжесвидетельства фиксировались исследователями [Муллов, 1867, с. 629; Ефименко, 1869, с. 238], присяга оставалась действенным механизмом раскрытия истины на суде [РК, т. 2, ч. 2, с. 274], гарантией того, что «...рано или поздно правда обнаружится сама собою», и Бог накажет клятвопреступника в земной либо в загробной жизни [Муллов, 1867, с. 629; Левенстим, 1901, с. 4; Тенишев, 1907, с. 146—147]. В воззрениях о неминуемом возмездии актуализуются представления о справедливости как одной из базовых ценностей крестьянского социума.

Отношение к неформальным обрядам могло зависеть от вида клятвы, ситуации, в которой она употреблялась, локальной традиции, репутации участников судебного процесса. П. И. Астров отмечает, что различные виды неформальных клятв, называемые божбой, утратили свое юридическое и религиозное значение. Божба, употребляемая в повседневной жизни, воспринималась как нечто «обычн[ое]», то, чем «...пользуются все добрые люди», и скептическое отношение к ней отражено в паремиях и комментариях крестьян: «Не божиться, так и не воровать», «попался, так и божится». Однако

божкой с заклатьем крестьяне не злоупотребляли, опасаясь вредоносных последствий ложной клятвы [Астров, 1889, с. 132, 138]. В материалах упоминается, что божба без заклатья употреблялась, но в протокол не заносилась и не принималась как доказательство [РК, т. 5, ч. 2, с. 502].

Для крестьян был важен контекст употребления клятвенных формул. Неформальные клятвы могли быть напрасными, однако только в обыденных мелочных случаях [Бондаренко, 1890, с. 86]. Имело значение, сопровождалась ли божба ритуальными действиями: «...никому это <божба> не воспрещается, но в резон не принимается; иное дело ответчик или истец крест на себя положат, принимая грех на душу, это составляет уже полное доказательство для волостного суда» [Шраг, 1877, с. 60]. См. также комментарий Б. А. Успенского: «Клясться именем Бога — большая клятва, но право считается “выше солнца”. Это самая страшная божба». Исследователь предполагает, что в данном случае «...имеется в виду языческая по своему происхождению клятва, которую принято было давать на суде и которая могла сопровождаться крестным целованием». Он же на основании лингвистических данных предполагает, что лексема *право* могла иметь значение крестоцелования [Успенский, 2008, с. 164—165]. Таким образом, божба обретала силу и статус ритуального, а не повседневного действия, если она включала предметно-акциональный компонент, в частности, крестоцелование или совершение крестного знамения.

О дифференцированном отношении к разного рода клятвам свидетельствует их поэтапное применение в ходе дознания: сначала божба, затем клятва без священника, потом присяга со священником, предполагающая крестоцелование [Тенишев, 1907, с. 129—131]. К категории «страшных» относилась клятва детьми [Паппе, 1889, с. 61]. При подозрении в семейной краже с поклявшегося детьми в присутствии членов семьи снимались все обвинения. Иногда суд более высокой инстанции признавал обвиняемого невиновным, поскольку тот еще в ходе семейного разбирательства поклялся детьми, и даже уездный съезд земских начальников оставлял жалобу истца без последствий. Отказ приносить подобную клятву мог усиливать подозрения. «Страшной» считалась также клятва жизнью и здоровьем, не только собственными, но и других членов семьи помимо детей [РК, т. 5, ч. 2, с. 501—502]. Зачастую подобные клятвы содержали аллюзии к похоронной обрядности [Тенишев, 1907, с. 147—149]. Важной являлась и клятва, «...произнося которую клявшийся берет в рот немного земли» [Чубинский, 1872, с. 91]. Того, кто попрекал или оскорблял принявшего «страшную» клятву, подвергали наказанию [Тенишев, 1907, с. 145—146].

О том, что божба с заклатьем удовлетворяла истца и присутствовавших крестьян и даже служила доказательством ложного обвинения, сви-

детельствует их реакция: истец «...хвата[л] шапку и бежал вон» либо «...отступа[л] со стыдливой физиономией, провожаемый недоброжелательными взглядами присутствующих за напрасный поклон» [РК, т. 1, с. 124—125]. Принесение подобной клятвы ответчиком и свидетелями могло инициировать наказание истца, которого подвергали сходным манипуляциям, в частности, водили по двору, надев саван в знак того, что «...весь срам пал» на него [Тенишев, 1907, с. 148].

После совершения ритуала крестьяне склонны были отдавать дело «на волю Божию» в уверенности, что Бог накажет клятвoprеступника. При этом указание на немедленную кару, за исключением клятв по типу «чтобы мне на месте умереть» [РК, т. 1, с. 74—75, 270], достаточно редко содержится в текстах. Представления о немедленном наказании клятвoprеступника были связаны с клятвой заряженным ружьем, что использовалось как способ добиться признания или уличить преступника в случае отказа от участия в ритуале [Даль, 2016, с. 8]. Иногда в текстах фиксировался конкретный день наказания (Пасха), временной предел, который не мог быть преодолен клянущимся безнаказанно (завтрашний день, закат), срок, в течение которого клятвoprеступника должен покарать Бог (три дня) [Тенишев, 1907, с. 140; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 34, 28, 27].

В текстах, повествующих о постигших клятвoprеступников наказаниях, упоминается, что присягнувший умирает вскоре, в течение года, слепнет через две недели, заболевает через три недели и вскоре умирает [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 28, 34; РК, т. 1, с. 78; Тенишев, 1907, с. 149]. У присягнувших ложно отнимался язык, руки и ноги, вор наказывался бедностью и падежом скота [Тенишев, 1907, с. 149; РК, т. 1, с. 75]. Часто встречаются упоминания об иссушении рук [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 13, 30—31], что связано с самим обрядом, во время которого поднимали правую руку, и со значимостью данной части тела: рука — это орудие труда, средоточие социальных связей и синоним работающего человека.

Существовало представление, что за ложную клятву Бог половину века убавляет / не дает «...веку дожить» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 34; Бондаренко, 1890, с. 86]. Наказанье могло распространяться и на потомков клятвoprеступника. Если в семье рождался калека, подозревали мать в том, что она божилась детьми [РК, т. 6, с. 427; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 27]. Божье наказание могло грозить и за клятву как таковую [С. А. К., 1886, с. 3], что восходит к ветхозаветной традиции.

Рассказы о последствиях ложной клятвы выполняли функцию предостережения и использовались для увещевания и запугивания с целью добиться от преступника признания [РК, т. 1, с. 78; Тенишев, 1907, с. 141—142, 145], а страх перед последствиями способствовал возникновению

различных способов аннулирования клятвы, суть которых сводилась к нарушению порядка совершения ритуала, вследствие чего он терял силу. О мотиве ловкой подмены залога клятвы в фольклорных сюжетах, а также о том, что крестьяне с подозрением относились к клятвам людей с испорченной репутацией, поэтому за ходом ритуала следили доверенные лица, делая заключение на основании реакции подозреваемого о его виновности / невиновности, см. [Бауэр, 2019, с. 68—69].

Судя по материалам, лжесвидетельство в ходе принудительной клятвы не навлекало кару на клятвopреступника, однако грех падал на принуждавшего к лжесвидетельству, если он упоминался как объект вредоносного воздействия. Так, муж, принуждавший жену дать ложные показания, после ее клятвы «Дай Бог не увидеть своего мужа» заболевает и умирает [Тенишев, 1907, с. 150]. Однако представления о вредоносном воздействии клятвы для тех, кто принуждал к ритуалу, не были широко распространены, и крестьяне часто практиковали принудительную божбу с заклътием, не опасаясь последствий для себя.

В традиции существовали магические приемы, совершаемые с целью не допустить ложную клятву. Так, из корешка рябины, которая росла возле муравейника, вырезали палку и клали ее в красный угол с уверенностью, что «муравьиная палка не допустит божиться» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23], обличив преступника. Об использовании рябины, вырванной из муравейника, и муравьев в ритуалах распознавания см. [СД, т. 4, с. 518; СД, т. 3, с. 336].

Удерживать крестьян от ложной божбы могла боязнь испортить репутацию в глазах однодеревенцев: «После такой “божатвы” <...> считают его за “мошеника”, “негодного человека”» [АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 1120, л. 6]; «Бога снять, на весь мир честь потерять» [Ефименко, 1869, с. 231]. Интересно, что крестьяне избегали ложно клясться в кругу своих, но с легкостью лжесвидетельствовали в общих судах [Муллов, 1867, с. 630].

Популярность божбы, особенно в молодежной среде, в пореформенный период постепенно снижалась [Миронов, 2000, с. 76], о чем свидетельствуют высказывания крестьян: «А ты без божбы докажи, что твое дело правое», «присягой дел не решают», «ей теперь веры нету» [РК, т. 3, с. 98; Астров, 1889, с. 137]. В конце 1880-х годов А. Паппе задается вопросом, не является ли клятва вымирающим видом доказательств в крестьянском судопроизводстве [Паппе, 1889, с. 62].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на неутешительные выводы исследователей, материалы свидетельствуют, что клятва сохраняла актуальность в рамках крестьянской

юстиции в пореформенный период. Будучи одним из обычно-правовых доказательств, она использовалась при разрешении спорных дел при отсутствии / недостаточности улик. Ее применение способствовало нейтрализации конфликта, поскольку потерпевший получал гарантию того, что наказание со стороны божественных сил должно настигнуть клятвопреступника. Подобный исход дела был возможным благодаря укорененным в традиции представлениям о неминуемом и справедливом Божьем суде. При этом нарративы о фатальных последствиях клятвопреступления служили действенным механизмом, способствующим выяснению истины в ходе судебного разбирательства.

Отношение к разного рода клятвам было дифференцированным. К клятве по типу божбы-роты и роты, учитывая их вредоносный потенциал, крестьяне испытывали большее доверие, как и к божбе, сопровождавшейся крестоцелованием либо крестным знамением, в то время как божба, включавшая только вербальный компонент, зачастую не принималась во внимание.

Опираясь на анализ материалов, можно сделать вывод о системе ценностей, актуальных для крестьянского социума. Важнейшими ценностями считались справедливость, жизнь (в том числе и «правильная» жизнь после смерти), здоровье, репутация, честь, благосостояние, социальные связи: родственные, в том числе и расширенные межпоколенные, объединяющие не только ныне живущих членов семьи, но и предков и потомков, а также связи в рамках общины. Важнейшее значение имели духовные ценности. Так, в представлениях крестьян разрыв связей с Богом воспринимался как духовная смерть.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АРГО — *Архив* Русского географического общества. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Пономарев С. М. Обыск. Божба, Освидетельствование девушки. Пытки.
2. АРЭМ — *Архив* Российского этнографического музея. Рукописный отдел. Ф. 7 (князя В. Н. Тенишева). Оп. 1. Д. 1120. Костин Ф. Орловская губ., Орловский уезд. 1899 г.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1879. — Т. 2. — LXIII, 685 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. — Т. 1—4.
5. РК — *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. — Санкт-Петербург : Деловая полиграфия ; Навигатор, 2004. — Т. 1—4.

6. С. А. К. Из прошлого / С. А. К // Нижегородские губернские ведомости : [газета]. — 1886. — № 4. — С. 3—5.

7. СД — *Славянские древности* : этнолингвистический словарь. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Выпуск 1—47.

Литература

1. Алмазов А. И. Испытание освященным хлебом (вид «Божьего суда» для обличения вора) : греческий устав для совершения его по рукописи XVII в., с кратким историческим очерком / А. И. Алмазов. — Одесса : Экономическая типография, 1904. — 28 с.

2. Астров П. И. Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда, Тамбовской губернии / П. И. Астров // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. — Москва : Типография А. Левенсон и К°, 1889. — Выпуск 1. — С. 130—150.

3. Бауэр Т. В. Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX — начала XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / Т. В. Бауэр. — Санкт-Петербург, 2019. — 315 с.

4. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) / В. Б. Безгин. — Москва — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. — 304 с.

5. Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии / В. Бондаренко // Этнографическое обозрение. — 1890. — № 3. — С. 62—89.

6. Бочаров В. В. Россия : «правовой нигилизм» и «неписанный закон» (постановка проблемы / В. В. Бочаров // Российское общество в современных цивилизационных процессах. — Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2010. — С. 360—367.

7. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. — Москва : Аргументы недели, 2016. — 47 с.

8. Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев / П. С. Ефименко. — Архангельск : Губернская типография, 1869. — 336 с.

9. Левенстим А. А. Присяга на суде по народным воззрениям / А. А. Левенстим // Вестник права. — 1901. — № 6. — С. 3—28.

10. Макаров М. Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские / М. Макаров // Труды и летописи общества истории и древностей российских. — Москва : Университетская типография, 1828. — Книга 1. — Ч. 4. — С. 184—219.

11. Малинович Ю. М. Модусы речевого акта обещания : клятва в индоевропейских культурах / Ю. М. Малинович, М. В. Малинович // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2011. — С. 220—230.

12. Матвеев П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии / П. Матвеев. — Санкт-Петербург : Типография В. Кишбаума, 1877. — 38 с.

13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Д. Буланин, 2000. — Т. 2. — 568 с.

14. Мирошниченко О. И. Правовой менталитет как средство преодоления формального правового нигилизма в современном российском обществе / О. И. Мирошниченко // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 3. — С. 36—41.

15. Митронов И. А. Клятва как культурный концепт : дефиниционный анализ номинантов / И. А. Митронов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 9 (152). — С. 80—83.

16. Муллов П. А. Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта / П. А. Муллов // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. — Санкт-Петербург : Типография Куколь-Яснопольского, 1867. — Т. 1. — С. 615—635.

17. Нанзатов Б. З. Присяга и клятва в обычном праве бурят — феномен российского законодательства XVIII — начала XIX в. / Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2017. — № 4. — С. 17—21.

18. Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии / С. В. Пахман. — Москва : Университетская типография, 1851. — VI, 212 с.

19. Рогачевский А. Л. К истории обычного права в России в XIX в. (из архива Русского Географического общества). Клятва и божба / А. Л. Рогачевский // Юридическая мысль. — 2001. — № 3. — Ч. 1. — С. 12—16.

20. Семеновский А. И. Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний / А. И. Семеновский // Уголовная юстиция. — 2022. — № 20. — С. 65—69. — DOI: 10.17223/23088451/20/11.

21. Сидоренко А. В. Детская клятва в советскую эпоху : речевые характеристики / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2016. — № 2. — С. 72—78.

22. Скоробогатый П. Доказательства на волостном суде (окончание) / П. Скоробогатый // Юридический вестник. — 1884. — № 5—6. — С. 132—145.

23. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту : свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева / В. В. Тенишев. — Брянск : Типография Л. И. Итина и К°, 1907. — 192 с.

24. Турсунбаева Н. С. Институт присяги по нормам обычного права кыргызов в составе Российской империи / Н. С. Турсунбаева // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2015. — № 1 (15). — С. 63—65.

25. Успенский Б. А. Право и религия в Московской Руси / Б. А. Успенский // Факты и знаки : исследования по семиотике истории. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Выпуск 1. — С. 122—179.

26. Чесноков И. И. Аксиологические параметры речевого акта «клятва» в русской и чешской лингвокультурах / И. И. Чесноков, П. Чеснокова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 6 (119). — С. 110—115.

27. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сборник статей / К. В. Чистов. — Москва : ОГИ, 2005. — 272 с.

28. Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел : материалы и исследования / П. П. Чубинский. — Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и Комп., 1872. — Т. 1. — XX, 467 с.

29. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века : историко-правовой аспект : автореферат диссертации ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Татьяна Владимировна Шатковская. — Ростов-на-Дону, 2009. — 59 с.

30. Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний (продолжение) / И. Шраг // Юридический Вестник. — 1877. — № 5—6. — С. 52—101.

31. Штейнгольц А. Отражение древнерусских верований в русском лексиконе : диссертация ... доктора философии по русскому языку / А. Штейнгольц. — Тарту, 2006. — 198 с.

32. Якушкин Е. И. Обычное право : материалы для библиографии обычного права / Е. И. Якушкин. — Ярославль : Типография губернского правления, 1875. — Выпуск 1. — XXXXVI, 249 с.

33. Ясинская М. В. «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) / М. В. Ясинская // Славяноведение. — 2013. — № 2. — С. 79—89.

34. Donovan J. M. Legal Anthropology / J. M. Donovan. — Lanham : Altamira Press, 2008. — 286 p. — ISBN 0759113505.

35. Kelley T. A. Truth or Consequences (the Deadly Kind) : Oath Swearing in Nigerian Customary Law / T. A. Kelley // North Carolina Journal of International Law. — 2022. — Vol. 47 — № 3. — Pp. 331—368.

36. Oba A. A. Juju Oaths in Customary Law Arbitration and Their Legal Validity in Nigerian Courts / A. A. Oba // Journal of African Law. — 2008. — Vol. 52. — № 1. — Pp. 139—158. — DOI: 10.1017/S0021855308000065.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 09.04.2024.

Material resources

ARGO — *Archive of the Russian Geographical Society. F. 12. Op. 1. D. 2. Ponomarev S. M. Search. Bozhba, the examination of the girl. Torture.* (In Russ.).

AREM — *Archive of the Russian Ethnographic Museum. (1899). Manuscript department. F. 7 (Prince V. N. Tenishev). Op. 1. d. 1120. Kostin F. Oryol province, Oryol county.* (In Russ.).

Dal, V. I. (1879). *Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, sayings, sayings, sayings, pure sayings, jokes, riddles, beliefs, etc.*, 2. St. Petersburg: M. O. Wolf Printing House. LXIII, 685 p. (In Russ.).

Dal, V. I. (1880—1882). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language, 1—4.* St. Petersburg: M. O. Wolf Printing House. (In Russ.).

RK — *Russian peasants. Life. Mode of life. Morals: materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev, 1—4.* St. Petersburg: Business polygraphy; Navigator. (In Russ.).

S. A. K. (1886). From the past. *Nizhny Novgorod gubernskie vedomosti: [newspaper]*, 4: 3—5. (In Russ.).

SD — *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary, 1—5.* (1995—2012). Moscow: International Relations,. (In Russ.).

SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1—47.* (1965). Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ.).

References

Almazov, A. I. (1904). *The ordeal of consecrated bread (a kind of "God's judgment" to convict a thief): the Greek statute for its commission according to the manuscript of the XVII century, with a brief historical sketch.* Odessa : Ekonomicheskaya printing house. 28 p. (In Russ.).

- Astrov, P. I. (1889). On the participation of supernatural forces in the people's legal proceedings of the peasants of the Yelatomsky district, Tambov province. In: *Collection of information for the study of the life of the peasant population of Russia, 1*. Moscow: A. Levenson and Co. Printing House. 130—150. (In Russ.).
- Bauer, T. V. (2019). *Representations and practices related to theft in peasant culture (according to Russian, Belarusian and Ukrainian materials from the middle of the XIX — early XX century*. PhD Diss. St. Petersburg. 315 p. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2004). *Peasant everyday life (traditions of the late XIX — early XX century)*. Moscow, Tambov: Publishing house of Tambov State Technical University. 304 p. (In Russ.).
- Bocharov, V. V. (2010). Russia : “legal nihilism” and “unwritten law” (statement of the problem. In: *Russian society in modern civilizational processes*. St. Petersburg: Intersociety. 360—367. (In Russ.).
- Bondarenko, V. (1890). Essays of Kirsanovsky district of Tambov province. *Ethnographic review*, 3: 62—89. (In Russ.).
- Chesnokov, I. I., Chesnokova, P. (2017). Axiological parameters of the speech act “oath” in Russian and Czech linguistic cultures. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 6 (119): 110—115. (In Russ.).
- Chistov, K. V. (2005). *Folklore. Text. Tradition: collection of articles*. Moscow: OGI. 272 p. (In Russ.).
- Chubinsky, P. P. (1872). *Proceedings of the ethnographic and statistical expedition to the Western Russian Territory, equipped by the Imperial Russian Geographical Society. Southwest Department: materials and research, 1*. St. Petersburg: V. Bezobrazov's Printing House and Company. XX, 467 p. (In Russ.).
- Dal, V. I. (2016). *On beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people*. Moscow: Arguments of the Week. 47 p. (In Russ.).
- Donovan, J. M. (2008). *Legal Anthropology*. Lanham: Altamira Press. 286 p. ISBN 0759113505.
- Efimenko, P. S. (1869). *Collection of folk legal customs*. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya. 336 p. (In Russ.).
- Kelley, T. A. (2022). Truth or Consequences (the Deadly Kind): Oath Swearing in Nigerian Customary Law. *North Carolina Journal of International Law*, 47 (3): 331—368.
- Levenstim, A. A. (1901). The oath at the court of popular beliefs. *Bulletin of the Law*, 6: 3—28. (In Russ.).
- Makarov, M. (1828). Ancient and new gods, oaths and oaths Russian. *Proceedings and chronicles of the Society of History and Antiquities of Russia, 1* (4). Moscow: University Printing House. 184—219. (In Russ.).
- Malinovich, Yu. M., Malinovich, M. V. (2011). Modes of the speech act of promise: oath in Indo-European cultures. In: Arutyunova, N. D. (ed.). *Logical analysis of language. Linguistic futurism. Language's look into the future*. Moscow: Indrik. Pp. 220-230. (In Russ.).
- Matveev, P. (1877). *Essays on the national legal life of the Samara province*. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 38 p. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2000). *The social history of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century.): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law, 2*. St. Petersburg: D. Bulanin. 568 p. (In Russ.).
- Miroshnichenko, O. I. (2013). Legal mentality as a means of overcoming formal legal nihilism in modern Russian society. *Legal policy and legal life*, 3: 36—41. (In Russ.).

- Mitronov, I. A. (2020). Oath as a cultural concept: a definitional analysis of nominees. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 9 (152): 80—83. (In Russ.).
- Mullof, P. A. (1867). A few words about materials for explaining the national legal life. In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the department of Ethnography*, 1. St. Petersburg: Printing house of Kukol-Yasnopolsky. 615—635. (In Russ.).
- Nanzatov, B. Z. (2017). Oath and oath in the customary law of the Buryats — the phenomenon of Russian legislation of the XVIII — early XIX century. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences*, 4: 17—21. (In Russ.).
- Oba A. A. (2008). Juju Oaths in Customary Law Arbitration and Their Legal Validity in Nigerian Courts. *Journal of African Law*, 52 (1): 139—158. DOI: 10.1017/S0021855308000065.
- Pakhman, S. V. (1851). *On judicial evidence in ancient Russian law, mainly civil, in their historical development*. Moscow: University Printing House. VI, 212 p. (In Russ.).
- Rogachevsky, A. L. (2001). On the history of customary law in Russia in the XIX century (from the archive of the Russian Geographical Society). *Oath and friendship. Legal thought*, 3 (1): 12—16. (In Russ.).
- Semenovsky, A. I. (2022). Institute of swearing (swearing in) as a measure to stimulate truthful testimony. *Criminal justice*, 20: 65—69. DOI: 10.17223/23088451/20/11. (In Russ.).
- Shatkovskaya, T. V. (2009). *Common law of Russian peasants of the second half of the 19th — early 20th centuries : historical and legal aspect* : author's abstract of Doct Diss. Rostov-on-Don. 59 p.
- Shrag, I. (1877). Peasant courts of the Vladimir and Moscow provinces (continued). *Legal Bulletin*, 5—6: 52—101. (In Russ.).
- Shteynholz, A. (2006). *Russian Russian beliefs reflected in the Russian lexicon*. PhD Diss. Tartu. 198 p. (In Russ.).
- Sidorenko, A. V. (2016). Children's oath in the Soviet era: speech genre characteristics. *Speech Genres*, 2: 72-78. (In Russ.).
- Skorobogaty, P. (1884). Evidence at the volost court (ending). *Legal Bulletin*, 5—6: 132—145. (In Russ.).
- Tenishev, V. V. (1907). *Justice in Russian peasant life: a set of data obtained by ethnographic materials of the late Prince V. N. Tenishev*. Bryansk: Printing house of L. I. Itin and Co. 192 p. (In Russ.).
- Tursunbayeva, N. S. (2015). Institute of the oath according to the norms of customary law of the Kyrgyz people in the Russian Empire. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 1 (15): 63—65. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (2008). *Law and religion in Moscow Russia. Facts and signs: studies on the semiotics of history*, 1. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 122—179. (In Russ.).
- Yakushkin, E. I. (1875). *Customary law: materials for the bibliography of customary law*, 1. Yaroslavl: Printing House of the provincial Government. XXXXVI, 249 p. (In Russ.).
- Yasinskaya, M. V. (2013). “Not to see white light” (the theme of eyes and vision in the formulas of South Slavic curses). *Slavic studies*, 2: 79—89. (In Russ.).

*The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 09.04.2024.*